

НАША СТРАНА

Год издания 72-й. Буэнос Айрес, 7 декабря 2019

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 7 de diciembre de 2019 No 3115

К предстоящему 100-летию Белой Эмиграции

Стоит прочитать воспоминания отцов и дедов, или припомнить рассказы очевидцев о том, как в кают-компаниях доблестные морские офицеры, выброшенные за борт Истории, но до конца сохранившие офицерскую честь и свойственную ей выправку, 6/19 ноября ежегодно продолжали на чужбине справлять день Морского Праздника. Или же просто углубиться в детские воспоминания, чтобы тут же перенестись не только в другую обстановку прошлого, но буквально очутиться в ином мире, мире окончательно канувшем в вечность...

Вспоминаются лица, каковых сегодня больше не видать, санки, манеры. Белая Эмиграция была во всех отношениях явлением уникальным в мировой истории, она-то и создала этот нигде не обозначенный своеобразный материк под названием Зарубежная Русь. Материк без границ, разбросанный по всему свету словно архипелаг, но объединенный Идеей.

Барон Б. Е. Нольде, зная что слова его не будут опровержены, не боялся писать: «С библейских времен не бывало такого грандиозного исхода граждан страны в чужие пределы. Из России ушла не маленькая кучка людей, ушёл весь цвет страны... Это уже не эмиграция русских, а эмиграция России».

Сегодня всеми исследователями общепринято говорить, что в 1920 году цвет русской нации, который не был истреблен большевиками, очутился за границей, и Россия навсегда лишилась этого человеческогоклада, редкого по своим моральным качествам, и сохранившего до конца высшие духовные начала.

А по должному ли принял Запад своих вчерашних вернейших союзников? Данный вопрос заключает в себе ответ, не делающий Западу чести... В одиночестве, этот цвет нации, вчерашние чуть ли не исполины превратились в изгоев, в бесправных, лишенных родины и гражданства жителей в приютивших их странах, где им приходилось не отказываться ни от какого труда, в том числе чёрного, изнурительного и порою уничительного.

Красноречиво и с горечью доблестный генерал барон П. Н. Врангель такими красками обрисовал положение: «Я ушёл из Крыма с твердой надеждой, что мы не вынуждены будем протягивать руку за подаванием, а получим помощь от Франции как должное, за кровь, пролитую в войне, за нашу стойкость и верность общему делу спасения Европы. Правительство Франции, однако, приняло другое решение».

И нашим отцам пришлось вести двойную жизнь, но без раздвоения личности: днём быть чернорабочими, таксистами, официантами, а по вечерам и по выходным снова становится штабс-капитанами, корнетами, полковниками, поручиками,

мичманами, адмиралами, генералами, высокоблагородиями, превосходительствами, каковыми и оставались до конца дней своих.

Как и чем объяснить это совершенно уникальное своеобразие русского офицера? Только в понятии служения, передаваемого из поколения в поколение, в полной отдаче самого себя высшим началам.

Служили Богу, Царю и Родине. Верою и правдою служили своим Государям, не ожидая взамен никакого вознаграждения, согласно народной мудрости: когда нам платят за благородный поступок, его у нас отнимают. Служили с полным самозабвением, как пели юные юнкера в Добровольческой Армии:

*Мы смело в бой пойдём
За Русь Святую
И как один прольём
Кровь молодую.*

Когда однажды иностранец спросил фельдмаршала А. В. Суворова: «Много ли в Вашей Армии истинно верных и преданных солдат?», то великий полководец ему ответил: «Очень много, не сосчитать. Вся Армия! У меня, когда чудо-богатырь поцелует крест, то доколе дышит – своему долгу не изменит. Пошли его в огонь – идёт, ставь против него десять штыков – идёт. Службу он любит, присягу не изменяет, везде готов положить свою голову. Для Веры и Государя он всегда, везде и на всё готов».

Знаменитую оперу «Жизнь за Царя», можно ведь точно перевести и понять, как «Смерть за Царя». Во время Крымской войны, в канун

решительного сражения, адмирал В. А. Корнилов, о котором говорили, что он герой достойный Древней Греции, обратился ко всем матросам и офицерам со многозначным словом: «Дети! Придется умирать. Сумеете ли вы умирать?».

Те же высокие бескорыстные чувства были характерны и для Белой Армии. И. А. Ильин писал: «Белые никогда не защищали ни сословного, ни классового, ни партийного дела: их дело — дело России, родины, дело русского государства».

Но вернёмся к Военно-Морскому Флоту. Рыцарских подвигов, под сенью славного Андреевского флага, не сосчитать. В историю вошли победы при Гангуте, Чесме, под Наварином и Синопом, а также имена отважных флотоводцев, блестящих адмиралов Ф. Ф. Ушакова, П. С. Нахимова, В. А. Корнилова, С. О. Макарова, А. В. Колчака.

Андреевский флаг был своего рода путеводной звездой, ведущей офицеров и матросов от очередного подвига к очередному подвигу, чаще всего к победе, а если к поражению, то - как правило - согласно морскому уставу ещё петровских времён, гласившему: все воинские корабли российские, не должны ни перед кем спускать флага, ни при каких обстоятельствах. Сражаться до последнего, а в крайний момент корабль уничтожить.

«Погибаю, но не сдаюсь!». Вот слова характеризующие абсолютную непреклонность командиров и экипажей, очутившихся в безвыходном положении. Честь Андреевского флага с его символическим цветом,

посрамленной быть не могла. Белый цвет – цвет правды и чистоты, голубой цвет – цвет моря и неба, и оба вместе взятые цвета, белый и голубой, – цвета благородства.

Вот, чем была и чему учила Белая Эмиграция. Вопреки всему должна она оставаться тем, чем была все эти годы – хранительницей русской исторической правды, а, как говорил Ф. И. Тютчев, «истинный защитник России – это история».

Если в первые годы Белой Эмиграции можно было прочесть следующие горькие, грустные стихи:

*Мы лишь тени былого,
Мы жгучий упрек...*

Но кому и за что? - то, что следовало бы сегодня нам, всего лишь слабым отблескам тени былого, говорить? Кому мы сегодня можем являться жгучим упреком? Но и не будем чрезмерно пессимистично настроены: раз красный дракон не довольствуется тем, что уничтожил Россию, теперь ложью и всякими ухищрениями взялся еще прельщать Белую Эмиграцию, перехватывать вывезенные ею знамена и тревожить прах Белых полководцев и мыслителей – значит он явно еще не насыщен.

Сама память о Белых не дает ему покоя и, как лев рыкающий, ищет кого ещё поглотить. Не дадим ему эту радость и, как учили нас отцы, – не сдадимся без боя!

Миссия русской белой эмиграции ещё не окончена!

**Протоиакон Герман
Иванов-Тринадцатый**

ЛЮДИ С СОВЕТСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТЬЮ

Заметку на 2-ой странице “Нашей Страны” № 3114 прочёл, что называется, «от» и «до», зацепившись взглядом за её заголовок.

Ещё один иудушка, значит?... На этот раз - господин не-намотоварищ Простнев. Забавно...

На моём горизонте он возник примерно в то же самое время - году, этак, в 2014-м, или чуть позже.

Тогда, наблюдая за тем, как красные в Санкт-Петербурге устроили вакханалию вокруг мемориальной таблички памяти Верховного Правителя России адмирала Александра Васильевича Колчака, я опубликовал в Сети свои соображения на сей счёт.

Суть их сводилась к следующему: поскольку, красные утверждают, будто бы увековечение памяти адмирала Колчака «оскорбляет память их предков», необходимо протivoдействовать им теми же методами - создать структуру, нарочито «неполитическую», объединяющую в своих рядах прямых потомков колчаковских офицеров и солдат - благо, в Сибири таковых немало! - и уже от имени такой организации требовать от государства оста-

новить этот «красный реванш», поскольку он оскорбляет память уже наших предков. Понятное дело, я не рассчитывал на то, что таким путём удастся противостоять “красному реваншу” в глобальном масштабе, но хотя бы память Адмирала таким путём отстоять удалось бы: всё же, современные государственные деятели очень не хотят “раскалывать общество”, “раскачивать лодку”, и ко мнению *прямых потомков* воинов Сибирской армии им, воленс-неволенс, пришлось бы прислушаться.

С этой идеей я обратился ко многим здешним так наз. “белым”, но она так и повисла в воздухе: никому ничего этого было не нужно - лишь томско-московский профессор Хандорин раздувал свой авторитет, публикуя всевозможные “обращения” и “открытые письма”, раздавая интервью, и т. д..

Простнев был одним из немногих, кто проявил интерес к этой моей инициативе, и мы с ним списались. Однако, по тону и манере его писем, у меня сложилось о нём впечатление, как о человеке, скажем так, недалёком, и я очень скоро

понял, что никакого особого толка и пользы от сотрудничества с ним не будет. Переписка заглохла сама собой, хотя я продолжал встречать его имя под публикациями и в “Нашей Стране”, и во всевозможных интернет-сообществах и группах, посвящённых Белой Бороле. Скажу честно: общая тональность его публикаций выдавала в нём, скорее, обычного историка-краеведа, нежели убеждённого антикоммуниста, потому-то этот человек и был мне совершенно неинтересен.

Ещё через некоторое время на страницах одной из таких интернет-групп Простнев задал остальным участникам вопрос, известно ли им что-либо о памятных наградных медалях, выпущенных в честь адмирала Колчака. Я ответил ему, что, в частности, мы в Иркутске выпустили такую медаль - с профилем Александра Васильевича, серебряную, на «сибирской» бело-зелёной ленте, и вручили её нескольким достойным людям за их вклад в дело увековечения памяти Верховного Правителя и многолетнюю последовательную антикоммунистическую позицию.

Простнев заинтересовался, и задал вопрос, возможно ли получить такую медаль; я ответил ему, что медали были изготовлены уже достаточно давно, но несколько штук у меня должно остаться - нужно лишь найти их, и тогда я переishлю ему медаль с удостоверением (дело в том, что в последние годы я трижды менял место жительства, а квартира моя также является и моей художественной мастерской, так что найти медали сразу же мне вряд ли удастся). Таким образом, вопрос о вручении медали Простневу, что называется, «завис», и я из-за этого сильно переживал: ведь пообещал же человеку...

Но, видимо, в нашей жизни ничего не бывает случайным: получилось так, что Сам Господь отвёл меня от вручения нашей награды, которую мы за собственные средства изготовили для настоящих антикоммунистов, недостойному человеку.

У меня Простнев просил «колчаковскую» медаль, а у Редактора «Нашей Страны» - удосто-

верение сотрудника редакции. Очень и очень забавно... Почему-то, мне такое и в голову не приходило, хотя я сотрудничаю с газетой уже почти тридцать лет. Мне, что ли, удостоверение у господина Редактора попросить?...

Правда, не знаю даже, зачем оно мне: тридцать лет уже работаю журналистом, а вот мысли о том, чтобы вступить в Союз Журналистов России у меня никогда не возникало. Не было у меня никогда и желания вступать в стройные ряды Союза Писателей России, хоть такую возможность предлагали мне неоднократно: у меня уже несколько книг вышло, и книги пользуются популярностью у читателей - без ложной скромности пишу об этом - а вот в ряды Союза Советских Социалистических Писателей вступить не хочу и не собираюсь. «Ну как, как я могу вступить в столь авторитетную организацию? - отшучиваюсь я в ответ на все предложения, - ведь даже Солженицын оказался недостойным состоять в её рядах, и его из Союза

Писателей исключили! А я?...»

А - и в самом деле: как можно состоять в *таких* организациях, как Союз Журналистов и Союз Писателей России, зная, *кто* их создавал когда-то, *кто* состоял в них прежде, и *для чего*, собственно, они создавались? Уж если я в свои шестнадцать лет сумел избежать обязательного вступления в ленинский комсомол, и не запянул себя ни одним днём и часом членства в этой организации, то - неужели, ради того, чтобы в зрелом возрасте вляпаться в членство в каком-нибудь «творческом союзе», в котором состояли все эти горькие и маяковские, кольцовы и светловы, фадеевы и шолоховы, пикули и распутины, прохановы и прочие?...

Но для людей с советской ментальностью всё это - очень важно, на самом деле: все эти «корочки» и удостоверения, членства во всевозможных «творческих союзах» и прочих лоялистских организациях - пусть это и не приносит, как раньше, ни материального дохода, ни профитов, ни даже прибавок

к пенсиям по старости - для советских людей всё это очень и очень важно! Равно, как важны для них всевозможные награждения, ордена, кресты, звёзды, медали и прочие фалеристические украшения - как здесь не вспомнить «дорогого Леонида Ильича»? Того, который Брежнев:

...Это что за Бармалей в праздник влез на мавзолей?! - Он - и маршал, и герой, литератор удалой! Брови чёрные, густые; речи длинные, пустые... Кто даст правильный ответ, тот получит... десять лет!

До Леонида Ильича нынешним эпигонам, конечно же, далеко, но вектор у них - ровно тот же самый.

Как говорилось в одной старой советской кино-комедии, «...все побежали - и я побежал». Вот и тов. Простнев «побежал» туда же: back to USSR. Пусть бежит. Не жалко.

Роман Днепровский

Контр-Адмирал К. П. Иванов-Тринадцатый

Воспоминания «РЮРИКЪ»

2

Во Владивостоке

Был конец октября 1903 года, когда на "Тамбове" мы подходили из Артура к Владивостоку.

Приближения зимы ещё не чувствовалось и все пассажиры сгруппировались на спардек, чтобы полюбоваться чудной панорамой входа в проливы и бухты этого удивительного по красоте, с моря, порта и города. Хотя для меня картина не представляла новизны, так как ещё в 1901 году, принимая участие в Китайском походе, мне привелось побывать здесь, но всё таки я не мог оторвать глаз от панорамы. Войдя в бухту Золотой Рог, нашим глазам представился отряд крейсеров, стоящих на бочках против территории военного порта; вырисовываясь на фоне гористых берегов бухты "Громобой" и "Россия" казались ещё больше, чем были в действительности, но "Рюрика" я не увидел между ними и только внимательнее осмотрев линию берега, заметил его рангоут и трубы, показавшиеся из сухого дока, что дало мне сразу возможность ориентировки.

Закончив таможенные формальности и разместившись на знаменитых владивостокских извозчиках, направился к месту своего назначения на крейсер "Рюрик". Я полагаю излишним вдаваться в подробное описание крейсеров, но всё-таки для лиц не принадлежащих к морской корпорации дам краткую их характеристику.

"Рюрик", довольно старой постройки спуска на воду 1886 года, в 10.000 тонн водоизмещения. Это был первый опыт постройки такого судна, которое могло бы совершить плавание из Балтийского моря на Дальний Восток не пополняя своих запасов.

Выполняя задуманное задание при постройке, крейсер имел громадные запасы топлива, помещения для большого рефрижератора и для сухой провизии; боевые погреба вмещали большое количество боевых запасов в резерв; восемь огнетрубных котлов старого типа, требующих очень незначительного

расхода топлива, вооружение рангоута парусами — всё это давало ему обширный район плавания. Артиллерийское вооружение по

К. П. Иванов-Тринадцатый

тому времени, когда он вступил в строй, было современным. 6-й артиллерия состояла из 16-ти пушек Канэ, только что появившихся в свет, а орудия №14 в батарейной палубе даже было французского изготовления, как купленный от них патент с французской надписью и было занумеровано после всех испытательных при приёме стрельб за №1.

Несколько неудачная была конструкция установок на бортовом штыре, что делало манипуляцию поворота орудия с носа на корму и обратно довольно медленным и производящим большой шум, но это уже было наше русское изобретение: 4-ре 8" орудия были наши, Обуховского завода в 40 калибров, но ещё с клиновыми затворами, не делающими эти пушки особенно скорострельными, установки на Вавассеровских станках с мас-

ляными компрессорами, орудия прикрывались передним броневым щитом около 2" толщины.

Броневой защитой по ват.-линии был пояс в 10" толщины, боевая рубка тоже 10" брони. Четыре минных надводных аппарата располагались над ват.-линией в яблочковых шарнирах. Наибольший ход 18 узлов.

Как видите, по тому времени он был сильным боевым судном и сыграл значительную роль в поли-тике при Китайско-Японской войне 1898 году, когда будучи посланным на Дальний Восток, лишь своим присутствием там, помешал Японцам использовать плоды победы над Китацами и занять Порт-Артур. Вот с какого ещё времени Японцы затаили непримиримую месть против "Рюрика".

Остальные крейсера были уже более поздней постройки, так: "Россия" спуска 1898 года, была уже лучше бронирована, имела водотрубные котлы, большее водоизмещение 12.130 тонн, с ходом в 20 узлов. 6" и 8" артиллерию имела в том же количестве, но в улучшенном образце установках.

"Громобой", типа "России", но ещё большего водоизмещения в 12.336 тонн, был спущен в 1900 году с таковыми же котлами и несколько лучшим ходом, имея ту же ар-тиллерию, что и на "России", отличался значительно лучшей броневой защитой артиллерии и её жизненных частей, а также имел прекрасную боевую рубку, защищённую 12" броней. При своей постройке парусный двигатель был совершенно с него изгнан, почему в отличие от "Рюрика" и "России", когда-то ходившими и под парусами, требующими свободной и открытой верхней палубы, имел таковую застроенной

всевозможными выступающими люками и надстройками. Общий вид крейсера был удивительно красив и мощен по образованиям, не даром мы прозвали его "красавцем".

"Богатырь" - крейсер 2-го ранга, новейшей постройки, с хорошим ходом до 23 узлов, но не имел броневой защиты и был скорее крейсером-разведчиком.

Здесь к месту будет добавить, что кроме отряда крейсеров, во Владивостоке была ещё и местная сибирская флотилия из нескольких номерных миноносцев, канонерской лодки "Манджурь" и военных транспортов, заградителя "Алеута", но вся эта рухлядь не имела уже никакого боевого значения и могла служить лишь для обслуживания порта и его ближайших бухт. Начальником отряда был Контр-Адмирал Штакельберг, мой командир ещё по кадетским плаваниям.

Я не могу не посвятить нескольких слов своих воспоминаний этой светлой личности. Выходя в мичманы в 1894 году, мы совершили своё последнее гардемаринское плавание по Балтийскому морю на парусно-паровом корвете "Скобелев", которым и командовал в то время капитан I-го ранга барон Штакельберг. Несмотря на то, что плавать с такой зелёной молодёжью марка довольно тяжёлая для старого парусного ко-мандира, тем более, что мы были под покровительством нашего директора Корпуса флигель-адъютанта Арсеньева, в воспитании которого, помимо морских познаний много вкладывалось ещё придворного этикета и хорошего тона, что часто заставляло мачтовых офицеров при парусных учений, рычать сквозь зубы: Эх! институтки... и поспешно затыкать рот рукой, чтобы не дать воли дальнейшей морской терминологии, - наш командир барон Штакельберг снискал себе общую любовь и уважение своим тактом, добротой и любовью к нам молодёжи.

Мне памятно до сих пор съезды командира в Ревель на берег. Только раздастся дудка вахтенного унтер-офицера: «Вельботные на вельбот!», как старшина нашей гардемаринской смены вельботных гребцов летит к старшему офицеру

Бывшие соученики Свято-Покровской церковно-приходской школы в Аргентине со скорбью сообщают, что волею Божией 4 декабря 2019 года в Буэнос Айресе, в возрасте 72 лет, скончался

**ИНЖЕНЕР
АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ ШКУРКО**

Вечная память и вечный покой. Мир его праху.

с просьбой, что гардемаринны очень просят идти на вельботы и после некоторых колебаний, так как это часто бывало после раздачи коек, мы получали разрешение и радостные, закатывая рукава своих форменок, мчались на вельбот или спускали его с талей и через несколько минут ожидали у трапа выхода своего командира, которого и мчали, не жалея своих сил, на берег; особенным удовольствием было для нас обогнать паровой катер с Учебно-Артиллерийского отряда, который отвозил также на берег своего Адмирала Бирилева.

Обыкновенно, по приходе на берег, командир приказывал нам ждать полчаса, чтобы отдохнуть, а сам тем временем заезжал в кондитерскую откуда присылал большой сладкий пирог с крыжовником от Штуде (лучшая в Ревеле кондитерская), по бутылке лимонаду на брата и записку с приказанием: «Когда съедите, отправляйтесь на корабль», и мы довольные, конечно не съеденным пирогом или пирожными с выпитым лимонадом, а счастьем, что нам удалось так лихо провести своего командира, возвращались домой.

Особенно должно было остаться в памяти всех выпуска 1894 года та, последняя неделя перед окончанием своего плавания, когда уже возвращаясь из крейсерства под парусами "Скобелев" попал в жесточайший шторм около острова Готланда и мы три дня боролись с ним под Гоборским рифом, где были на волосок от смерти, но благополучно вернулись в Либаву. Сколько нравственных страданий пришлось пережить тогда нашему командиру, который сам тогда говорил, что боялся не за себя, не за корабль с офицерами и 150 человек команды, а боялся, что в случае гибели, наш флот потеряет 68 молодых офицеров и Великого Князя (Вел. Кн. Алексей Михайлович был в нашем выпуске и совершал с нами плавание).

Одним словом, этот человек пользовался большим обаянием у всех, кто имел счастье с ним служить или быть под его командой. Теперь Вам будет ясно с какой радостью я ехал явиться на флагманский корабль Адмиралу Штакельбергу, который пригласил меня обедать и мы долго ещё вспоминали с ним после обеда наше Скобелевское плавание.

Из разговоров с сослуживцами я вынес то впечатление, что любовь к своему Адмиралу была присуща всему личному составу отряда, с которым он уже проплавал порядочно времени и не потерял по прежнему своего большого обаяния на сослуживцев.

Из командиров крейсеров были семейными (я называю семейными тех, чьи жёны и семьи были в это время при них) — на "Рюрик" капитан I-го ранга Трусов, командир "Богатыря" капитан I-го ранга Стеман, командир на "России" капитан I-го ранга Рейценштейн и на "Громобом" капитан I-го ранга Дабич были бессемейными. Личный состав "Рюрика", за исключением лишь старшего механика и старшего врача был бессемейный, а потому и весь отпечаток жизни на корабле носил холостой характер. Состав долго плавал без существенных перемен, а это создаёт особую спайку между соплавателями, да и душа корабля была превосходна. Такое выражение «душа корабля» покажется несколько странным для некоторых, а тем не менее оно верно.

(Продолжение следует)

Граф А. Коновницын

"БАБИЙ ВЕК" РУССКОЙ ИСТОРИИ

Из-за того, что Император Пётр Первый изменил закон о престолонаследии, всё 18-ое столетие ознаменовало себя дворцовыми переворотами. Благодаря этим частым пертурбациям, на русском троне сменилось восемь монархов, четыре из которых погибли от рук убийц. Дворцовые перевороты - это бич России 18-го столетия, чинимый при содействии «преторианской гвардии».

Лишь только в царствование Императора Петра Первого, эта династическая чехарда прекратилась и восторжествовал принцип «примогенитурности» - от отца к старшему сыну, как было до «реформатора» Петра.

Восемнадцатый век - чёрная страница русской истории; недаром его называют «бабьим веком». Изюм всех императриц случайно оказавшихся на русском троне, вне всякого сомнения, царица Екатерина Вторая была самая выдающаяся по результатам своим. Она окружила себя русскими людьми, допустив их к браздам правления государством.

Во внешней политике она придерживалась интересов русской истории, задачи и цели которой она старалась осуществить, понимая их по русски. То есть была в этих во-просах прямо продолжательницей Петра Первого, которому удалось разрешить шведский вопрос.

Из целого легиона врагов России, самым опасным было Литовско-Польское государство, или Речь Посполитая, территория которой разбухла в три раза, за счёт Руси, а самым беспокойным, после Золотой Орды в 15-ом веке, это был Крым, за спиной которого вырисовывался силуэт грозной Турции.

Вот с этими двумя вопросами: польским и крымским, ей пришлось столкнуться, ибо они были связаны с большой политикой, которая требовала их развязки... и ликвидации. Екатерина Вторая с ними блестяще справилась. Покорив Крым, это разбойничье гнездо, жившее грабежом соседей, Россия придвинулась к северным берегам Чёрного моря, достигнув на юге своих естественных границ.

После трёх разделов Польши, Екатерина Вторая освободила православное русское население от католическо-польского владычества, и вернула России ее коренные земли, отторгнутые от нашей страны во время татарского нашествия. При ней, народонаселение увеличилось на двадцать миллионов. Суммируя ее внешнюю политику можно сказать, что она завершила тот исторический процесс, к которому веками стремились московские князья.

Упразднив Патриаршество и пренебрегши предостережениями Ордын-Нащёкина, что русским нужно заимствовать у Европы с толком, помня, что иностранное платье «не по нас», а также пренебрегши заявлениями ученого хорвата Юрия Крижанича (1617-1688), первого проповедника панславянства, писавшего, что все невзгоды славян от «чужебесия» - Пётр Первый рубил с плеча, выкорчёвывая старину.

Европеизация русской жизни, набравшая силу при Петре и его преемниках, калечила Россию.

Карамзин писал: «Мы стали гражданами мира, но в некоторых случаях перестали быть гражданами России». Виной тому Петр.

А немецкий политический мысли-

тель Вальтер Шубарт писал:

«Русская культура развивалась в чуждых формах, которые не выросли органически из русской сущности, а были ей насильственно навязаны. Императору Петру Первому нужно было действовать как японский микадо - император, - Мицу-Хито, вступивший на престол в 1867 году и бравший из Европы преимущественно её технологию.

В 1722 году Петр Первый издал закон, который в корне изменил порядок престолонаследия, давая право монарху назначать преемника. Таким образом принцип первородства, овеянный преданием седой старины, был Петром нарушен и корона московских Великих Князей и Царей стала игрушкой в руках временщиков и гвардии, ставшей уже не военной, а политической силой, по принципу янычар.

Киевская Русь именно и пала благодаря тому, что в ней был похерен принцип первородства.

А Московская Русь, наоборот, укреплялась и смогла одолеть татар потому что в ней преобладал принцип примогенитурности.

По кончине Императора Петра Первого, законным преемником считался малолетний сын убитого Царевича Алексея Петровича - Пётр Алексеевич, представитель царского рода по мужской линии, а не бывшая прачка Марта Скаврнская.

Консервативно настроенное боярство, как и народ в своей массе, были за патриархальную старину, противились реформам царя-новатора, и в лице его внука видели законную власть. Но «птенцы гнезда Петрова», или «компанейцы», были иного мнения. Эта новая власть, которую Царевич Пётр Алексеевич, выросши, будет мстить за своего умученного отца, погибшего во время пыток. Многие из них были повинны в убийстве его отца, так как подписали документ, требовавший его казни. В этом документе Алексей Петрович обвинялся в государственной измене. Компанейцы обратились к услугам гвардейских частей, и за мзду, добились желаемого. На престол Московских Царей взойшла невежественная чужеземка, став императрицей Екатериной Первой, и это - при живой законной жене Петра Первого Евдокии Лопухиной (1669-1731), из славного боярского рода, томившейся в Покровском монастыре города Суздаля, куда её заточил венценосный муж.

Это беззаконие, то есть вмешательство гвардии в выбор претендентов, послужило прецедентом для дальнейших дворцовых кровавых переворотов, когда в руках гвардейцев, заменивших стрельцов, и целого ряда временщиков, царский престол стал праздной игрушкой.

Эта чехарда с троном белой нитью пронизывает весь 18-й век, являясь чёрной страницей нашей истории, по выражению Льва Тихомирова, этого русского Савла, непревзойденного идеолога и апологета русского самодержавия.

Интересно, что в том же монастыре, в котором была заключена Соломония Сабурова, законная супруга Царя Василия Третьего, а затем и Евдокия Лопухина, одно время проживал, после сталинградской капитуляции, германский фельдмаршал Паулюс. Находясь под домашним арестом, он не испытывал никаких лишений, и даже пользовался услугами секре-

тарши. Сталин видно готовил его для коммунизации Германии, но он не был популярен среди военных и толщи гражданского населения Восточной Германии. В канун сдачи Сталинграда, Гитлер произвёл фон Паулюса в фельдмаршалы, послав ему соответствующий жезл. По традиции германской армии, фельдмаршал стоит до конца. Однако Паулюс, спасая попавшую в мешок армию, вывесил белый флаг. В советский плен попало около ста тысячи солдат и офицеров, при 25-ли генералов.

Кстати сказать, и Ленинград и Сталинград, эти два города переименованные в честь сатанистов, уподобились участи Карфагена.

«Ко мнению» птенцов гнезда Петрова», как их называл Пушкин, присоединил свой голос и всеильный архиепископ Новгородский Феофан Прокопович (1681-1736), протестант по духу, правая рука Петра Первого по упразднению Патриаршества. Он говорил и писал, что Пётр завещал престол именно Ккатерине Первой, ибо он её торжественно короновал в 1724 году, возложив собственноручно корону на её голову.

Феофан Прокопович - злой гений Русской Церкви, которую он душил, равно как и старообрядцев, а при Бироне, фаворите Анны Иоанновны, гнал всё русское. Своё образование получил он в Риме, учась в миссионерской школе, которую и за-кончил. Одно время был преподавателем и ректором Киевской Духовной Академии. Он был идейным приверженцем нововведений императора -реформатора.

А также являлся автором «Духовного регламента» и «Правды воли монаршей», двух политических трактатов, написанных в угоду или по заказу самого Царя. В «Духовном регламенте» Прокопович вполне солидаризируется с мнением монарха по поводу отмены Патриаршества, а в «Правде воли монаршей» отстаивает европейский абсолютизм, который по сути дела приближался к деспотизму, по примеру Людовика 14-го, утверждавшего «Государство это я».

Боясь народных волнений, Петр Первый не сразу ликвидировал патриаршество; на это ушло 20 лет. Последний патриарх Московский и всея Руси Адриан, преставился в 1700 году, а патриаршество было упразднено лишь в 1720-ом.

Сделав это, Петр сам становится главой Православной Церкви, которая стала управляться через особую им созданную канцелярию, на протестантский манер. Его фактически руководил еретик Прокопович, родившийся около Львова, уроженец ополяченной и окатоличенной Галиции.

Прокопович неоднократно посещал кощунственные сборища «всешутейшего и всепьянейшего собора», - гнусная пародия на церковную иерархию, в центре которой находился бог вина Бахус, или Вакх, в честь которого устраивались распутные вакханалии, где предавались круговому пьянству. Его друзьями были некоронованный Царь Бирон, и скрытный Остерман, при помощи которых им было загублено много людей, в особенности из среды стойких иерархов, требовавших восстановления Патриаршества и удаления этих лиц. В личной жизни Прокопович был гедонистом, предпочитавшем комфорт и рос-

кошь монашескому аскетизму.

На него работала целая армия крепостных крестьян, около 16-ти тысяч человек. Он имел четыре роскошных дома в столицах и мызу около Стрельны, а также получал колоссальные доходы со своих кафедральных имений.

Екатерина Первая (1684-1727) была дочерью литвина Самуи-ла Скавронского, служила прачкой и экономкой у пастора Глюка в Мариенбурге. В 1702 году, эта типичная маркитанка, следовавшая за военными обозами, попала к русским в плен, но вскоре очутилась в опочивальне фельдмаршала Шереметьева, сподвижника Императора Петра, Первого графа Русской Империи. От него она попала прямо в будуар к фельдмаршалу Александру Даниловичу Меншикову (1670-1729), светлейшему князю и князю Священной Римской Империи.

Меншиков, хотя и был простого звания, благодаря своим таланту и уму, выбился в люди и попал в среду «птенцов гнезда Петрова». Это однако не мешало царю говорить о нём, что он «в беззаконии зачат, в грехах родила его мать, и в плутовстве скончает живот свой». Перед кончиной грозного монарха «светлейший» Алексаша находился под следствием за казнокрадство. Ему грозила ссылка или плаха, но преждевременная смерть Царя спасла его.

Недолго Меншиков тешился Марфой Скавронской: она сменила его будуар на царские хоромы - не сумел Меншиков уберечь ее от женолюбивого петрого ока. Страсть к деньгам, наживе, роскоши и властолюбию в конечном итоге привели Меншикова и его несчастную семью в Сибирь, где он закончил свои дни в страшной нищете в Берёзове, Тобольской губернии.

Через год его дочь, княжна Мария, которую он обручил в 1727 году,

после смерти Екатерины Первой, с императором Пётром Пепым, надеясь что он станет регентом, тоже скончалась. Меншиков был женат на Арсеньевой, от которой имел сына и двух дочерей.

С ними он и разделил ссылку, в которой очутился по проискам своих многочисленных врагов, во главе которых стояли канцлер Остерман и всесильный клан князей Долгоруких. Эта семья, в свою очередь, обручила 14-летнего Пётра Второго с 17-летней Екатериной Долгорукой. Но сии планы рухнули когда Петр Второй, заразившись оспой, в день предполагаемой свадьбы скоропостижно умер.

При Анне Иоанновне, царствовавшей после Пётра Второго, весь клан Долгоруких был сослан в Берёзово, включая и царскую невесту. Через год их отсылают в Новгород, где троим князьям отрубает головы, ибо они были «верховниками», то есть Членами Верховного Тайного Совета, которому подчинялся Сенат. Этот Совет возник по почину Меншикова в 1726 году и состоял из восьми членов конституционалистов. Они-то и предъявили Анне Иоанновне «кондиции», которые она - ссылаясь на дворянство и шляхту - отвергла, разорвав их. Служилое дворянство предпочитало подчиняться одному лицу, то есть вдове Курляндского герцога, а не какому-то олигархическому коллективу. «Кондиции» это была одной из первых попыток ограничить царскую власть.

Невежественная прачка Марта Скавронская, став императрицей, мало занималась текущими делами, которые ей были не по плечу. Пирушки, на которых она засиживалась до пяти часов утра, стали нормой её жизни. За неё правил Алексей Меншиков и коррупционная шайка «птенцов Петровых».

При Екатерине Первой и её

преемниках продолжается открытая и неослабная борьба с Православной Церковью, начатая при Пётре Первом и достигшая своего апогея при Екатерине Второй, этой гонительнице Православия, закрывшей около 900 монастырей.

Русская Церковь приходит в нищенское состояние и перестаёт быть духовной путеводительницей, русского народа, по подобию Вифлеемской Звезды, блеск которой стал меркнуть. Лучшая часть иерархии и белого духовенства уходит в подполье, а схи-архимандрит Паисий Величковский, выходец из Полтавской губернии, будущий возродитель «духовного делания», или русского старчества и Оптиной Пустыни, этого благоуханного духовного оазиса расположенного в девственном сосновом бору, становится эмигрантом, уходит в Молдавию, после непродолжительного пребывания на святой горе Афоне.

Высвободившись от татар, Русь-Россия постепенно централизуется, становится административным государством, и уже в своей новой экономической системе сталкивается с церковным землевладением, площадь которой занимала треть территории страны, - как и в Византии. Именно из канонического наследия Византии к нам перешло и божественное право, в основу которого легла абсолютная неприкосновенность всех вещей, включая и недвижимого земельного имущества, посвящённых Господу Богу на вечный помин души. У сербов это церковное понятие называется «задужбиной».

Таким образом, все секуляризаторские тенденции и посягательства государства и сильных мира сего на церковное имущество приравнялось Церковью к ереси, а имущество - движимое или недвижимое - посвящённое раз и навсегда Церкви, считалось сакральным.

Но даже такая благолюбивая и благочестивая императрица, каковой была Елизавета Петровна, дочь грозного Петра, и та, в общей сложности, проводила политику своего отца. При ней не было восстановлено патриаршество, хотя лучшая часть русской иерархии её об этом просила. В отличие от отца, императрица Елизавета Петровна иногда становилась на путь уступок, как она это сделала по отношению к ростовскому митрополиту Арсению Мациевичу, малороссийской Владимирско-Вольнской епархии.

Во время коронации Елизаветы Петровны, он отказался повторить слова Петровско-Феофановской присяги, обязательной для членов Синода. Он считал, что название «крайний судья» по отношению к монарху, не канонично, ибо главой Церкви является не он, а только Господь Бог Иисус Христос. Елизавета Петровна проявила к нему исключительное незлобие и благосклонность, не подвергнув его наказанию, а отпустив его обратно в Ростов, уды он стремился.

Императрица Анна Иоанновна, при которой немцы, по меткому замечанию маститого историка Василия Осиповича Ключевского, посыпались в Россию как сор из дырявого мешка и правили Россией десять лет, перед смертью назначила своим преемником младенца - Иоанна Антоновича, принца Брауншвейг-Люненбургского, правнука Царя Иоанна Алексеевича.

По желанию Анны Иоанновны, Бирон, этот ненавистный народу фаворит императрицы, становится регентом при младенце императоре, сыне немецкого принца Антона Ульриха и ко жены Анны Леопольдовны, дочери Екатерины Мекленбургской, по отцу немки. Бирон, однако, скоро был смещён Анной Леопольдовной, теснимой им при содействии Миниха и гвардейцев - и угодил в Сибирь, в Пелым, Екатеринбургской области.

Памяти Валентина Зарубина

С большим опозданием узнал о кончине Валентина Васильевича Ленгенфельдера, писавшего под литературным псевдонимом «Зарубин». Сотрудник «Нашей Страны» ушёл в лучший мир 9-го апреля сего года в Мюнхене.

Двадцатилетним студентом он стал участником Венгерском восстания 1956 года, а затем бежал на Запад. В 1988 году издал в Германии сборник статей под заглавием «Из записной книжки». Книга вышла тиражом в 500 экземпляров.

Это произведение было выпущено под маркой мюнхенского «Русского Литературно-Исторического Кружка «За Веру и Верность», в котором он состоял с другим покойным автором нашей газеты - Леонидом Ивановичем Барат-Барановым.

Сборник включил его статьи о тоталитарной

коммунистической системе Советского Союза, о русском монархическом движении, о диссидентах и об Обществе "Память", написанные им в первой половине 1980-х годов.

Мне, увы, не довелось быть

лично знакомым с Валентином Васильевичем, но по переписке у меня создалось впечатление о нём, как о рубахе-парне, простым, прямым, добрым и несколько бесшабашным.

Как сказано у Чехова: «Самойленко... видел в Лаевском доброга малого, студента, человека-рубаху, с которым можно было и выпить, и посмеяться, и потолковать по душе».

Писал он, так сказать, размашисто, и над правой его статей приходилось порою покорпеть. По словам знавших Зарубина лично, с ним было очень легко найти общий язык, он всегда был «компанейским», душой общества и за словом в карман не лез.

Да будет ему легка чужая земля. Царство Небесное верному сыну Исторической России!

Н. Казанцев

Сербская монархия идет в большую политику

Кабинет Его Королевского Высочества принца Югославского Владимира Карагеоргиевича сделал заявление о политических планах. Он намерен основать Монархический Фронт и противопоставить его политикам.

«Политические партии Сербии довели страну до разобщенности, нестабильности и подорвали основы общества. Партии не занимаются общественными вопросами, а изображают политику, преследуя собственные интересы», - говорится в его заявлении. Монархический Фронт намерен активно работать.

«Когда мы наберём большинство граждан нашей страны в свои ряды, наш потенциал станет небогатым. Дальнейшие шаги будут зависеть исключительно от воли народа и его слуги-монарха», - подчеркнул он.

**НЕ ЗАБУДЬТЕ
ВНЕСТИ
ПОДПИСНУЮ
ПЛАТУ ЗА 2020 ГОД**